

дмитрий шабанов

надишся

ПОД КНИГОЙ

сборник стихотворений

победитель
конкурса
"Словарный
запас"

Дмитрий Шабанов

**Надпись под книгой.
Сборник стихотворений**

«Издательские решения»

Шабанов Д.

Надпись под книгой. Сборник стихотворений / Д. Шабанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932507-5

Первая книга сибирского (ныне петербургского) поэта представляет собой собрание стихотворений, написанных в 2002—2015 годах. Различные по стилю, тематике и звучанию, сведенные из нескольких циклов, они образуют картину становления поэтического и философского мироощущения автора, поиска собственного «я», а также являются своеобразным примером преодоления авторитетов. Книга — победитель конкурса «Словарный запас» проекта «Том писателей: антология новейшей вологодской литературы».

ISBN 978-5-44-932507-5

© Шабанов Д.
© Издательские решения

Содержание

I. По ту сторону дождя	6
«Серые камушки асфальта мелькают под ногами...»	7
«Падают листья осенние...»	8
«Снова выкошен дол...»	10
Раскольникову	11
Отрывок из неопознанной мысли	12
Отдавая честь	13
Окно, открытое настих	14
Эскиз №2	15
«Лица, выхватывая из тени...»	16
Следующим	17
II. Близкие ветви дерева	18
Близкие ветви дерева	19
Темнота	20
Белые пятна	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Надпись под книгой Сборник стихотворений

Дмитрий Шабанов

Редактор Наталья Александровна Сучкова

Корректор Елена Витальевна Титова

Дизайнер обложки творческая группа FUNdbÜRO

Художник Сергей Бондин, фрагмент картины «Портрет поэта» на обложке

© Дмитрий Шабанов, 2018

© творческая группа FUNdbÜRO, дизайн обложки, 2018

© Сергей Бондин, фрагмент картины «Портрет поэта» на обложке, 2018

ISBN 978-5-4493-2507-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. По ту сторону дождя

Сколь часто ни проглядываешь детство,
всё оно видится влажным, звенящим и дышащим.
Сплошной слепой ливень. Клокочущей стеной он
ходит прямо перед глазами. За ним зелень, простор
и солнце. Иногда кажется, что можно выйти
по ту сторону дождя.

«Серые камушки асфальта мелькают под ногами...»

Серые камушки асфальта мелькают под ногами.
Я иду посреди дороги по разметочной линии.
Я такого никогда не чувствовал, что ощутил сейчас,
Бредя в предвечернем сгустке воздуха.

Белые полосы представились мне жизнями,
Человеческими жизнями
на ленте времени.

На них трещины – чёрные полосы, неудачи,
Нитевидные и широкие коварные разрывы счастья.

И еще множество чёрных точек – мелких ссор,
Неприятных споров, происшествий, раздражающих нервы.

Каждая полоска в начале и конце очень тонкая,
Хрупкая, как начало и конец жизни.

Среди них и моя, но я её не распознаю.
Они все разные, это понятно, да дело и не в том.
Сейчас я оказался выше всех них: они как на ладони.
И я узнал необычайный интерес к каждой из них.

Интерес к судьбам – это любопытство писателя.
Когда я разберу их все, я узнаю свою и стану пророком.
Но в этом ли мире?

«Падают листья осенние...»

Падают листья осенние,
Шепчут в ногах «обожди».
В двери избные и сенечные
Глухо стучатся дожди.

Струны звенят фортепьянные.
Клавиш натуженный скрип.
Звуки, как призраки пьяные:
Сон, дуновение, всхлип.

Тени стальные и рослые
Нам отрезают пути.
Что ж, вот и стали мы взрослыми —
В тень не боимся войти.

Помнишь, небесною ясностью
Были мы покорены.
День начинался опасностью
Кончится скоро. В лесных
Сумерках звезд мириады
В пригоршни брали мы власть.

Осень плыла листопадами.
Жизнь листопадом вилась...

Будто бы взяли и вынесли
Нас – где бывшее мертво.
Что же, выходит, мы выросли?
Только скажи: для чего?

Дни, как пласты бесполезные,
Длинной тропой легли.
Стали мы нежно-любезные,
А не стареть не смогли;

Стали мы мудрые вроде бы,
А разлучились в себе.
Боже, мы только пародии
В собственной нашей судьбе!

Не по годам мы состарились,
Не увяданью сдались.
Просто рядами составились
И на расстрел поднялись.

Каждому сердце и вышибло —
Сложно взлетать по рядам.
Может, хотели и выше бы,
Только не дышится там;
Может, хотели и в дальнее,
Только не вышел полёт...

Солнце, как нива печальная,
Землю колосьями жмёт.
Дождь убаюканный семенит.
Сенцы при входе скрипят.
Слуги покорные времени!

Ноты и капли сонат...

Раскольникову

Мозг человека похож на вредную опухоль.
Топором по голове, плашмя или обухом,
Так же легко ударить тебе, Раскольников,
Как доказать подобие треугольников,
Или, скажем, сходство треугольника с птицей.
Только кровь, не сворачиваясь, сочится
На паркет. Впрочем, уже никому нет дела,
Да и ты промахнулся, подставив тело
Бумерангу собственной рукояти.
Смерти нет. Лишь бы краденое звенело
Не теряясь, и не влеча изъятий.

Отрывок из неопознанной мысли

...И только по магазинчикам с надписью «ПИВО»
Мы угадываем присутствие здесь людей.
Впрочем, их можно встретить и в гастрономах,
Со взглядом, далёким, как телескоп астронома,
Наведённый на Альфа Центавра.
Они пожидают лавры
Вовсе не тех, для кого так старались
Испепелить свои души. Арес,
Благословивший их на охоту,
Ничего им не дал, даже квоту
На поступление в собственные ряды.
Впрочем, бог войны и не мог поступить иначе.
Это – словно просить питьевой воды
У хранителя всех морей —
Дело неблагодарное и пустое.
Потому, подходя и справляясь: сколько стоит,
Люди и не думали ждать ответа,
А тут же брали и то, и это,
Оставляя в ванночке звон монеток,
И удаляясь с нерасторопностью марионеток...

Отдавая честь

Опоссум – слишком непристойное слово для маленького
зверька.

Рука проделывает траекторию от козырька,
Переходя в национальную грубость: рубить с плеча.
Материк – корабль, на нём может и укачать.
Может кидать на мачты в бушующие шторма,
Но когда образуется штиль или приходит зима,
Вспоминаешь опоссума, маленького зверька,
Который летит за рукой, падающей с козырька,
С визгом, изловчась, хватается за мундир.
Непристойное это слово – «опоссум»,
Скорей, непристоен мир,
Породивший его, или я,
Мечтающий жить без жилья,
Спать без снов, существовать без теней,
Плакать без слёз, не вспоминать о Ней,
Не отсчитывать время, живое не есть,
Не растворяться, и, отдавая честь,
Вспоминать опоссума, маленького зверька,
Который летит за рукой, сброшенной с козырька,
Переходя в национальную грубость: рубить с плеча,
Глядя с ухмылкой, просящей кирпича.

Окно, открытое настих

*Объятыя сомкнулись, и время
отвело объектив...
П. Кондаурова*

Слишком много греков. Везде. «Одиссей – Телемаку».
Море. Гомер. Горбоносые прод. улыбки,
Кромсающие тела, но, завёрнутые в бумагу,
Безобидные, как посылка. Год из года
Уплывают корабли покойного Мандельштама
(Да святится ему там, где штиль как воздух)
Прямиком на загородную пилораму,
Чтобы стать предметом бытовых удобств.
Ну и ладно. Я больше не хочу слышать: Минос.
Греция – всего лишь туристическая открытка.
Я собрал весь сор в квартире и вынес
В кухонное окно, на случайно идущего.
А в окне небес первоцветы хлипкие.
Журавль, закованный в колодца колоду,
Дребезжит на ветру, но летит как роза...
А идущий отряхнулся. И правильно сделал.

Эскиз №2

На надбровных дугах Училища
по-крабьи вытянутые глаза.
Рядом три бетонные чаши,
теней полные и земли.
Ветер плещет на манер стрекозы,
о чём, вполне может быть, стрекоза
Никогда не узнает, купаясь на водной мели.

Перехлѣст деревьев, газоны
с бархатной тонкостью «Каберне».
Расточительно плавные стѣкла – мне
как табу морского буя.
И *sforzando*¹ пейзажа податливые,
но простой иконе верней,
Два графитовых стержня – фигуры,
слившиеся в поцелуе.

¹ *sforzando* (ит. «усиливая») – внезапный акцент на звуке или аккорде (муз.)

Следующим

Ты, который с ней
Уже более полугода,
Чьё появление мне ясней,
Чем предугаданная погода,
Чьё умение упрощать
Всё до милейшей чуши,
Вроде правописания «ча» и «ща»
Или звука струны, послушай.
На клочке земли, где в осень
Картошку сбрасывают тюками,
И на рёбрах пылает «восемь»,
Я заложил камень.
Чтобы в шкуре воспоминаний,
За свои невидимки баки,
Дырявить его зубами,
Слизывая соль и накипь.
Ты, который с ней
Как будто уже давно и
Навсегда. Не заметь – во сне
Она дремлет к тебе спиною.
А когда она с этих мест
Удалится, новым влекома,
Я пошлю тебе данный текст —
Прочитай и отправь другому.

II. Близкие ветви дерева или цикл, написанный с балкона

Память моя — это близкие ветви дерева в темноте,
и слепые пятна меж ними, за которыми один (два)
совместных пути, ведущих к земле без возврата —
может быть к ничьей, может к бессмертию.

Меня не покидает ощущение, что можно дотянуться
до них рукой...

Ближкие ветви дерева

Копошится июль в листве,
Я смотрю, не пройдёт ли кто
В беспокойстве, его бровей
Потревожив сырой литол.
Я смотрю в этот бредень-лес,
В освещённом его углу
Не появится ли косец
И размажет зелёным мглу.
То ли пьяница сушь прорвал —
Хлещет муторность из горла,
Будто это нарисовал
Сальвадор для своей Гала.

То ли птицы мацы куском,
Стаей в бездну оборвались
И выклёвывают комбикорм
Из кормушек и урн столицы.
Я смотрю, не лежит ли кто
Слишком мертвый внизу, прбча
Мне дожидаться лица Годо
Или тления кирпича.
Слишком ближкие ветви здесь,
Слишком память меж них гнила,
Будто их написал Рамзес,
И лишь мифом была Гала.

Темнота

Необоримое «прощай». Впиваешься крюками глаз, но
Состав вздохнул и отошёл, ему хватило двух секунд,
Чтоб обесточить этот мир – огни смеркаются и гаснут,
И не дожидаться, что они лицо, как память, рассекут.

С опаскою поводишь ты заступаешь в эту жижу,
А я, у каждого столба в бетон вращая головой,
Пытаюсь поперхнуться злом, и больше ни черта не

вижу.

Тащи меня куда-нибудь, смиряя шепот горловой.
Тащи меня – и тишина смеется ужасом вокзала.
Упитья вусмерть дай нам днесь – и мы к ближайшему

лотку,

И первые клубки вина навстречу первым комьям

жалоб,

И эта тряска, эта смесь, и взгляд привинчен к потолку.

Нас выдыхает из метро, нас сцапывает электричка.
Ты ведаешь меня? – Веду.
Верни меня в прилежный дом,
Где не дрожит еще рука и стол от кофе не коричнев,
И этот выморочный день, еще не вышедший винтом
Сквозь толщу бытовых надежд.

На улице потоки чалит,

Урча и хлюпая дождём, настойчивая темнота,

Прилипчивая темнота...

Ты что-то чёрный... – От печали.

Она уехала? – О, да...

Она вернётся?..

Белые пятна

А.Б.

Я хочу повидать шмурдячного человека,
Прочитать ему что-нибудь из моих the poem,
Чуждых мне самому, как пирату чужда шебека,
Как запойному – водка, когда он плывёт в запое.

Он расставит стаканы, будто засеет поле,
Он взрастит в них жидкости вражью силу,
Он мне скажет: что ж, выпьем за всё, что было,
И забудем всё, что не будет боле...

Ты кропал эту дурь, смущая зауемью землю,
Мы горели – и кончились, вот два стакана, камень
Преткновения вместительностью ноль семь и
Это всё, что за муки дадено нам богами.

Вот за это и выпьем...

Сказано – надо сделать.

Я перечить не стану, не буду насосом долгим
Перекачивать воду о цели, мечте, о толке
Из пустого в пустое, от тела к телу.

Лишь наутро, когда я раскроюсь раньше,
По потребности выйду на двор поссать и
Похмелиться купить, я залажу: «встань же,
Не остави себя, если ты писатель,

Не оставь, если ты обладатель мела
Судьбы, если видишь глазами мира,
Не оставь, если мать тебя вскормила
Перекачивать яды от тела к телу»

Так я буду твердить, а на пути обратном
Я внезапно вспомню, что спирт был разбит и пролит,
Что везде, повсюду остались слепые пятна,
На рубахе червеют, как пёжина от моли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.